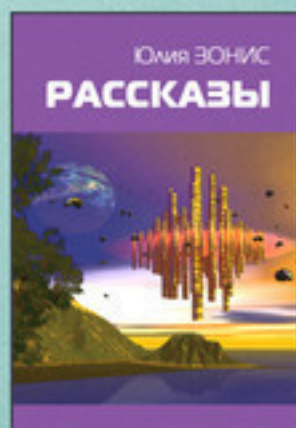

Юлия Зонис

Прямо пойдешь

Часть сборника
Рассказы

Юлия Зонис
Прямо пойдешь

«Автор»

2007

Зонис Ю. А.

Прямо пойдешь / Ю. А. Зонис — «Автор», 2007

«Жидкая грязь просачивалась между пальцами ног – хлюп-хлюп. Вадим увяз по щиколотку. Не пруд это был никакой, а вполне сформировавшееся болотище, и несло от него гнилью и тиной. В таком не коловраток ловить, а разве что, действительно, топиться. Вадим с трудом нашел озерцо сравнительно чистой воды и угрюмо водил сачком. Пальцы на ногах поджимались, будто от холода, хотя вода была теплой. Непременно вытащу на себе два десятка пиявок, думал Вадим. Еще он думал о том, что и вся идея этой курсовой была идиотской, а казалось ведь еще недавно – легкого...»

© Зонис Ю. А., 2007

© Автор, 2007

Юлия Зонис

Прямо пойдешь

*Скажи мне, гордый рыцарь,
Куда ты держишь путь?*

Е. Бачурин, «Баллада о гордом рыцаре»

– Коловратки. Тоже мне, придумали! Не коловратки никакие, а головратки, так их звать. Потому что голые. Это бабы утопленные. Они живут в пруду и мужиков совращают, вот и вратки. А еще, может, потому, что водятся в самом омуте, в водовороте.

– Какой же в пруде омут?

Рыбачок возмущенно фыркнул и затянулся своей сигаркой.

– А такой. Какой надо, а тебе и знать не надо.

Вадим переводил взгляд с единственной снулой рыбины, плававшей в ведерке вверх брюхом, на замшелый валун за спиной рыбачка. Полустертая, заросшая неопрятной зеленой порослью, там все же ясно читался обрывок надписи «Прямо по...». Прямо пойдешь.

Рыбачок вынырнул из-за камня слева, где значилось «Шею свернешь». Шея, впрочем, у рыбака была цела, хотя немыта и покрыта редким седоватым волосом. Кадык ходил туда-сюда, будто у мужика непрерывно сочилась слюна, и ему то и дело приходилось сглатывать. Когда рыба вышел из-за камня, в руке у него была удочка, а рыба в ведерке еще вяло поплескивала. Сейчас уснула. Жара. Парило, наверное, к дождю – вон и ласточки летали низко-низко.

«Шею свернешь»...

– Обрыв там.

Нечаянный собеседник проследил за взглядом Вадима, причмокнул губами.

– Обрыв и спуск к реке. Которые нездешние, непременно шею и свернут, а мы знаем – тропиночка есть там одна, тропочка, она аккурат к рыбным местам и выведет.

Вадим покосился на ведерко и сомнительно хмыкнул. Рыбина была невелика – похоже, мелкий линь. Разве что кошку такой кормить.

– А ты не лыбься, – рыбачок выдохнул сигаретный дым, потрянул ведро.

Рыбица, как будто совсем уже уснувшая, перевернулась на живот и вяло заплавала. Вадим поежился. Не нравился ему этот навязавшийся на разговор рыбац, а камень не нравился еще больше.

Прямо пойдешь... Как же там было, в этой любимой Никиной песенке? Прямо пойдешь, погубишь меня... Или спасешь? Последние слова надписи скрывал мох.

– Ты, гляжу, мне не веришь. Попрешься-таки за головратками своими и утопнешь. Утопят они тебя.

Парень вздохнул.

– Ко-ло-вратки. Это такие беспозвоночные... Вроде рачков маленьких. У них ротовое отверстие окружено ресничками...

Зачем он читал лекцию по зоологии беспозвоночных этому сыну природы?

– Вот.

Вадим вытянул из травы сачок. Под марлевым наверху болталась стеклянная баночка для предполагаемой добычи.

– Я процеживаю воду, и коловратки попадают в банку.

– Охотишься, значит? Тоже добытчик, вроде меня? И куда ты своих головраток потом, в суп?

Вадим пожал плечами. Что делать потом с коловратками, он пока и сам представлял с трудом.

Рыбак встал, поддернул штаны.

– А я уж было подумал, ты из этих, – он легонько пнул ногой булыжник.

– Из каких?

– Ну, баловники же тут камень поставили, а люди и верят.

– Вправо пойдешь – погубишь коня, – прочел Вадим. Это было написано, естественно, справа. Прямо, что же там прямо?

– А и то верно, – с охотой согласился рыбачок, – Скотобойня у нас справа. Так что и коня, и корову, и козу потерять вполне можешь. Говорю же – шутники.

– Шуточки у ваших... – Вадим снова поежился. От камня тянуло плесенью – или это из ведра, от живой-неживой рыбины?

– А ты шутке не верь, но остерегаться – остерегайся. К пруду вечером не след ходить.

– Из-за голых баб, которые утопить норовят?

Ого! Деревенская лексика оказалась прилипчивой. Вадим усмехнулся, но усмешка получилась какая-то кислая.

– И из-за них тоже. Не рек-ком-мендую, – неожиданно скрежетнул голосом рыбак, закинул на плечо удочку и взялся за ведерко.

Рыба плеснула и вновь затихла. Человек глянул на Вадима и вновь протянул неторопливо: с чуть заметным оканьем:

– Прощевай, мил-человек, за огонек спасибо. В случае чего заглядывай. Я здесь, неподалеку живу. Рыбку сварю, ну и другое что имеется.

Рыбачок повернулся и бойко зашагал направо, туда, где суждено было потерять коня. Вадим смотрел ему вслед. Прежде чем скрыться за деревьями, мужик оглянулся, округлил рот в крике, но ветер унес его слова за лес. Вадим понял и так: «Не ходи на пруд».

Жидкая грязь просачивалась между пальцами ног – хлюп-хлюп. Вадим увяз по щиколотку. Не пруд это был никакой, а вполне сформировавшееся болотище, и несло от него гнилью и тиной. В таком не коловраток ловить, а разве что, действительно, топиться. Вадим с трудом нашел озерцо сравнительно чистой воды и угрюмо водил сачком. Пальцы на ногах поджимались, будто от холода, хотя вода была теплой. Непременно вытащу на себе два десятка пиявок, думал Вадим. Еще он думал о том, что и вся идея этой курсовой была идиотской, а казалось ведь еще недавно – легче-легкого. «Коловратки средней полосы». Поезжай на любой подмосковный пруд, и будут тебе коловратки. А что у них от отходов с окрестных фабрик вместо ресничек целые щупальца, как у осьминогов, отрастают – так это все фигня, издержки паршивой экологии. Нет, надо же было ему обязательно в деревню завалиться, хотя какая здесь деревня, от Москвы километров сорок. Час езды на электричке. Дача однокурсника, корявое сооружение из прогнивших досок, щели между ними – не то что комар или мышь, медведь пролезет. Угарная печурка, вечно сырые ватные одеяла. В качестве благ цивилизации – сортир в малиннике, с десятком номеров «Юного техника», наколотых на ржавый крючок. Читай – не хочу. В пяти минутах ходьбы, на косогоре, деревенька, а за ней уже и желанный пруд с коловратками. Все бы хорошо, если бы не этот булыжник. Когда рыбак удалился к безлошадным областям, Вадим попытался соскрести мох с остатков надписи. Мох был упорен, густ, буйно-зелен и населен неприятными на вид мокрицами. Он с трудом поддавался Вадимовым усилиям, а когда поддался, выяснилось, что надпись искрошилась, ушла в камень, и не прочесть. Не узнать. Как же там было, в песне? Прямо – погибнешь сам? Да нет, вряд ли, про гибель было слева, где «шею свернешь». Или «шею свернешь» – это еще не гибель? Вадиму почему-то представился давешний рыбачок со свернутой шеей, как ни в чем не бывало вышагивающий по тропинке и потряхивающий ведерком. Стало тошно. Нет, должно быть другое, прямо – спасешься сам, но убьешь меня. Да, так, кажется. Вот смешно. Любимая ведь Ничкина песня, сотни раз она пела, а из башки дзинь – и вылетело.

Вероника. Он пытался звать ее поначалу Верой, Веркой, потому что так звали любимую в детстве тетю Веру, молодую, веселую, имя ее удобно ложилось на язык. А Ника – это было что-то чужое, это была греческая богиня или героиня фильма, но уж никак не девчонка, с которой можно – все. Ника стерпела пару раз, а потом как выверилась! Никогда он больше не видел ее такой рассерженной, с глазами, сверкавшими, как яркие злые камушки. «Ника!» – кричала она, – «Никакая не Верка, Ника, или я ухожу...»

Ника так Ника. Было бы о чем спорить. Они и не спорили, разве что о музыке, да и то изредка, когда она уж очень доставала его своими бардами. Что же там было, в песне? «Прямо – погибнешь сам», нет, точно, ведь на камне-то нацарапано «Прямо по», он еще думал, это «Прямо пойдешь».

Прямо – погибнешь сам, но спасешь...

Над озером закричало.

Ночью Вадим проснулся оттого, что увидел страшный сон. Во сне привиделась мельница, стоящая на болоте. Черная жирная вода лениво сочилась, протекала сквозь лоток, но колесо было недвижно. Из воды тянулись руки, бледные, тонкие, девичьи, руки цеплялись за разбухшее дерево, и раз – но не двигалось колесо, и два... Во сне Вадим понял, что надо запеть, чтобы задать рукам ритм, и затанул козлиным фальцетом: «Эх, дубинушка, ухнем!» И ухнула дубинушка, забила огромным паровым молотом о землю где-то за лесом, за страшным холмом скотобойни. От грохота Вадим и проснулся.

За окном было светло. Парень с трудом сполз с кровати, колени поскрипывали и ныли – напомнил о себе ревматизм, заработанный еще в детстве. Подошел к окну, оттянул в сторону линияющую занавеску. По улице катился грузовик, катился с грохотом, с дребезжанием, и почудились в кузове почему-то красные косынки и загорелые локти колхозниц, хотя стояли там только пустые бидоны. Утро. На подоконнике в баночках из-под томатной пасты и хрена резвились пойманные накануне коловратки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.